

УДК 341.231.14:316.647.82

Н. В. Дрёмина-Волок

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ДИСТРИБУТИВНАЯ ПАРАДИГМА МЕЖДУНАРОДНОГО АНТИДИСКРИМИНАЦИОННОГО ПРАВА

Ликвидация всех форм дискриминации как неотъемлемый компонент международной защиты прав человека стала одной из наиболее насущных задач в современном мире [38]. Дискриминация подрывает осуществление экономических, социальных и культурных прав для значительной доли мирового населения. Экономический рост сам по себе не привел к устойчивому развитию, и отдельные лица и группы людей по-прежнему сталкиваются с социально-экономическим неравенством, что часто обусловлено укоренившимися историческими и современными формами дискриминации. Условия жизни за последнее столетие улучшились больше, чем за всю предыдущую историю, — глобальное богатство, глобальные связи и технические возможности никогда не столь велики. Но распределяются эти глобальные достижения крайне неравно. Средние доходы в 20 наиболее богатых странах в 37 раз превышают средние доходы в 20 беднейших, и за последние 40 лет этот разрыв удвоился. Бедные лишены надлежащего питания и крова, не получают образования, лишены здравоохранения — то есть не имеют всего того, что обуславливает качество жизни во всеобщем понимании. Они также крайне уязвимы перед болезнями, экономическими потрясениями и стихийными бедствиями [39]. В период с 1990 по 2005 год примерно две трети стран испытали увеличение неравенства [20].

Люди, живущие в условиях нищеты, претерпевают многочисленные трудности, ограничения возможностей и социальную изоляцию. Число людей, страдающих от недоедания, увеличилось с 817 млн человек в 1990–1992 годах до более 1 млрд человек в 2009 году. Доля голодающих людей по-прежнему выше всего в странах Африки к югу от Сахары — на уровне 30 % в 2010 году. В Демократической Республике Конго она увеличилась до 69 % с 29 % в 1990–1992 годах [20]. Наибольшее

число голодающих людей (642 млн человек) зарегистрировано в Азии и Тихоокеанском регионе; затем следуют страны Африки, расположенные к югу от Сахары (264 млн человек) [17, п. 13]. Экономический кризис привел к резкому падению занятости и заработной платы. В общемировом масштабе число безработных, по некоторым оценкам, со 178 млн в 2007 году достигло 210 млн в 2010 году. Согласно оценкам численности работающих малоимущих, в 2008 и 2009 годах до 215 млн работников присоединились к категории людей, имеющих доход менее 1,25 дол. США в день, что является шагом назад после многих лет прогресса в области уменьшения дефицита достойных рабочих мест [20, п. 20].

Многие меньшинства исторически были изолированы от всестороннего и эффективного участия в экономической жизни как в развитых, так и в развивающихся странах. Масштабные проекты экономического развития или коммерческая деятельность, осуществляемые на землях и территориях, где проживают представители меньшинств, нередко вызывают негативные последствия, включая перемещение населения и закрепление нищеты. Экономическая изоляция — это причина, проявление и следствие дискриминации в отношении лиц, принадлежащих к меньшинствам [17, п. 19].

Ухудшение экономических условий и усиление дискриминации могут усугублять изоляцию меньшинств. В некоторых странах неравное распределение ресурсов и услуг по регионам, а также отсутствие базовой инфраструктуры в регионах проживания меньшинств лишают их возможности в полной мере осуществлять свои экономические и социальные права. Минувшее десятилетие стало свидетелем появления новых, неожиданных проблем, включая глобальный продовольственный и экономический кризис, который оказал несоразмерно глубокое воздействие на уязвимые группы [17, пара. 55]. Как говорится в Докладе о развитии человека «Реальное богатство народов: пути к развитию человека» (2010), «забота о социальной справедливости в концепции развития человека напрямую трансформируется в открытую сосредоточенность на неравенстве» [4, с. 23].

В резолюции «Укрепление международного сотрудничества в области прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 2009 года, заявлено: «Генеральная Ассамблея признает, что в дополнение к своим отдельным обязанностям в отношении своих собственных обществ государства несут коллективную ответственность за защиту принципов человеческого достоинства, равенства и справедливости на глобальном уровне» [16]. Принятие международно-правовых мер и стандартов справедливого распределения благ, необходимых для обеспечения достойного уровня жизни каждого человека, является одной из задач международного антидискриминационного права.

Антидискриминационному праву уделяется большое внимание в западной юриспруденции. Среди ученых, посвятивших этой проблематике свои труды, могут быть названы М. Бантон, М. Белл, М. Боссайт,

Дж. Голдстон, Р. Гольдман, М. Конноли, С. Фредман, С. Макгрудден, М. Макивен, М. Мин, Дж. Ньессен, Р. Тоуншенд-Смит, Р. Хански, И. Чопин, М. Шейнин. Отдельным аспектам противодействия дискриминации в контексте защиты прав человека уделяют внимание известные украинские правоведы В. Мицик, П. Рабинович, С. Шевчук и другие исследователи. Правовые меры борьбы с дискриминацией рассматриваются в трудах российских ученых, в частности Н. Н. Бабаяна, М. Н. Варламовой, С. М. Кочои, Н. Кравчука, Н. В. Козюк, Г. Н. Комковой, А. Г. Осипова, М. Т. Тимофеева.

Международное антидискриминационное право, в самом общем виде, может быть идентифицировано как концептуально целостный международно-правовой нормативный комплекс, который регламентирует международное сотрудничество в противодействии дискриминации как нарушении права человека на справедливое равенство. Существует множество конкурирующих понятий равенства и справедливости [2; 3]. Со времен Платона и Аристотеля эти понятия находятся в центре философских учений. Теория Аристотеля о справедливости тысячелетия сохраняла свою значимость и остается основой современных концепций. Основными видами справедливости, по классификации Аристотеля, являются справедливость дистрибутивная (распределительная), ретрибутивная (воздающая) и коммутативная (обменивающая) [7, с. 92]. «Равенство, — писал Аристотель, — бывает двоякого рода: равенство по количеству и равенство по достоинству... безусловно, справедливым может быть только равенство по достоинству» [1, с. 345]. Аристотель обращал внимание на опасность имущественного неравенства, способного привести к социальному взрыву. Вместе с тем он полагал, что «имущественное равенство представляется до некоторой степени полезным во взаимных отношениях граждан, устраняя между ними несогласия, но, вообще говоря, большого значения оно отнюдь не имеет. Ведь люди одаренные станут, пожалуй, негодовать на такое равенство, считая его недостойным себя; поэтому они зачастую оказываются зачинщиками возмущений» [1, с. 232].

«Где и когда люди впервые начали размышлять о природе распределительного процесса и причинах неравенства — можно только гадать. Факт неравенства почти наверняка столь же древний, как и человечество. Ни одно из известных обществ не имеет и не имело совершенно эгалитарной системы. Неравенство имелось всегда, начиная с примитивных общин каменного века и кончая сложными индустриальными обществами, хотя его формы и степень существенно различались», — замечает Г. Ленски [11]. Философские взгляды на понятия равенства и справедливости прошли долгий и противоречивый путь развития, меняясь под влиянием социально-политических и исторических факторов. В доктрине Руссо и следовавших за ним мыслителей свобода и равенство были сведены к понятию политической свободы, которая была определена как равенство всех перед законом. Свобода, как и равенство, по-

нималась тут в смысле формально-юридическом и отрицательном; закон предоставлял всем равенство в проявлении свободы, уравнивая их в признании этой свободы и уничтожая все ограничения, противоречащие равенству прав. Однако еще в XVIII веке понятию о равенстве как о равноправии было противопоставлено иное представление, вытекавшее из требования равенства материального [13, с. 267]. «...Во имя охраны свободы, — писал П. И. Новгородцев, — право должно взять на себя заботу о материальных условиях существования; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование» [14, с. 6]. «Та свобода, в которую верили Смит и Бентам, не обеспечила людям равенства; это была свобода для немногих, а не для всех. Для того чтобы обеспечить равенство, его надо провести далее; не равенство всех перед законом, а равенство возможностей или равенство исходного пункта» [13, с. 285].

В дальнейшем именно материальное равенство оказалось в центре серьезных философских исследований. «Хотя идея справедливого распределения стара как мир, дистрибутивная парадигма общей справедливости является, преимущественно, достоянием XIX века. В философии Гоббса, Локка, а позже Канта, Бентама, Дж. Ст. Милля, Д. Юма сложилось представление о социальной (распределительной) справедливости как рациональной и моральной основе социальных взаимоотношений», — отмечает Б. Н. Кашников [8, с. 30]. Эгалитарные взгляды составляли основу концепций утопического социализма и коммунизма. Видными представителями этих взглядов были Г. Бабеф, Т. Кампанелла, Т. Мор, А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Ф. Фурье и др. Одни из них рассматривали идею равенства как абсолютное равенство всех и во всем, другие соглашались с необходимостью сохранения определенных различий в сфере производства и потребления материальных благ [24, с. 198]. Соединение идеи права с идеей блага придавало толкованию права социальный смысл» [15, с. 256].

Академик Н. И. Козюбра пишет: «Опыт индустриальных стран показал, что даже закрепленные в конституциях гарантии равенства гражданских и политических прав людей сами по себе не способны устранить их фактическое неравенство... В связи с этим постепенно начала складываться новая философия прав человека, в основу которой были положены социал-демократические идеалы социальной справедливости, социальной солидарности, социальных обязательств и тому подобное. Она существенно расширила представление о правах человека: наряду с гражданским и политическим аспектами права дополнились социальным аспектом, что в свою очередь привело к существенному расширению их каталога за счет включения в него социально-экономических прав...» [9].

В западной философии интерес к проблемам дистрибутивной справедливости существенно возрос во второй половине XX столетия. В этот период были сформулированы дистрибутивные парадигмы, кото-

рые предлагают различные критерии распределения благ. С точки зрения антидискриминационного права особый интерес представляют, безусловно, эгалитаристские концепции. Современная дистрибутивная парадигма антидискриминационного права базируется, в частности, на работах таких философов, как Дж. Ролз, Р. Дворкин, У. Кимлика, Н. Фрейзер, А. Сен, Т. Нагель.

Теория справедливости Дж. Ролза, одного из выдающихся политических философов XX столетия, наиболее полно изложенная в его книге «Теория справедливости» (1971), может рассматриваться как вариант дистрибутивной концепции справедливости. В ней сформулирована модель общественного равенства как равенства честных возможностей. Дж. Ролз сместил акцент «с формального равенства перед законом на компенсацию социального неравенства, направил вектор человеческого соучастия на обездоленных, причем на уровне и в масштабе общества как целого, так что такое участие становится совместной заботой сообщества людей» [22, с. 80]. Общая концепция справедливости в теории Дж. Ролза выражена в следующей формуле: «Все первичные общественные блага — свобода и возможности, доходы и богатства, а также условия самоуважения — должны быть распределены поровну, если только неравное распределение каких-либо или всех этих благ не служит благу наименее преуспевающей части общества» [34, р. 303]. Ролз сформулировал два принципа справедливости: 1) каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей (принцип равных свобод); 2) социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших (принцип дифференциации) и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей (принцип равных возможностей) [34, р. 60, 61]. Принципы справедливости Ролза предполагают строгую иерархию: принцип равных свобод имеет приоритет перед принципом дифференциации, который, в свою очередь, имеет приоритет перед принципом равных возможностей. Теория Дж. Ролза оказала существенное влияние на формирование концептуальных основ международного антидискриминационного права.

Другим известным политическим философом, труды которого стали доктринальным фундаментом антидискриминационного права, явился Р. Дворкин. По общему признанию, Р. Дворкину принадлежит приоритет в оформлении развернутой концепции особого типа равенства — «либерального» [5, с. 142]. Именно дистрибутивное равенство становится стержневым принципом или, как пишет философ, «нервом» либеральной теории. В центре теории Р. Дворкина находится концепция, которую он определяет как равенство ресурсов. Ее фундамент составляют два принципа. Первый, принцип равенства значимости (*principle of equal importance*), сводится к признанию равенства любого смысла че-

ловеческой жизни: важным представляется лишь то, что человек должен преуспеть в том, что он считает нужным. Вторым принципом является принцип ответственности (*principle of special responsibility*), представляющий собой сочетание объективной и личной ответственности за проживание жизни человеком. Это, по мнению философа, помогает избежать главной ошибки, заключающейся в представлении о том, что равенство возможно только в случае, если у каждого человека имеется равная доля благ, независимо от того, кто он и какой вклад был им внесен в образование этой доли. Принцип равенства значимости (*principle of equal importance*) содержит понимание равенства смысла любой человеческой жизни. Принцип ответственности (*principle of special responsibility*) означает сочетание объективной и личной ответственности за развитие человеческой жизни. Эти принципы формируют фундаментальное основание равенства — отношение к людям как к равным. Согласно Дворкину, государство может относиться к своим гражданам, как к равным (*treat those in its charge as equals*), и государство может относиться к гражданам равным образом (*treat those in its charge equally*). Главное основание равенства — то, что каждый человек имеет право на равную заботу и уважение [6].

Заметное место в развитии теории справедливости в антидискриминационном дискурсе заняла дискуссия, инициированная известным американским философом Н. Фрейзер. В ходе этой дискуссии активно обсуждаются две аналитические парадигмы справедливости, под углом зрения которых рассматриваются основные направления развития антидискриминационного права: парадигма признания и дистрибутивная парадигма [29; 32; 33]. Дискуссия была перенесена в правовую плоскость и нашла отражение, в частности, в статье С. Чаудри «Распределение против признания: в контексте антидискриминационного права» («Distribution vs. Recognition: The Case of Anti-Discrimination Laws», 2000) [26].

Н. Фрейзер исходит из того, что любая дискриминация включает в себя как экономическое ущемление, так и недостаточное признание. При этом она обращает внимание на сдвиг в проблематике эгалитарных теорий от дистрибутивной парадигмы в сторону парадигмы признания. Она отмечает, что в дистрибутивной парадигме справедливость охватывает вопросы экономического неравенства и препятствий, начиная от распределения материальных благ и заканчивая организацией самих способов производства. Необходимые средства правовой защиты от несправедливости, соответственно, содержат эгалитарные схемы перераспределения материальных благ. Несмотря на то, что от дистрибутивной несправедливости страдают социальные группы, определяемые невыгодным экономическим положением, несправедливость в конечном итоге, является результатом неспособности признания моральной равноценности людей. По мнению Н. Фрейзер, в реальном мире культура и политическая экономка всегда накладываются друг на друга, и практи-

чески всякая борьба против несправедливости подразумевает требования как перераспределения, так и признания. Тем не менее, в эвристических целях, необходимо концептуализировать понятия перераспределения и признания как две аналитически различные парадигмы справедливости — перераспределение-признание» [29]. Одна из них, парадигма распределения, была фундаментом научного анализа справедливости в течение, по меньшей мере, 150 лет, она была предметом интенсивных философских исследований. Вторая парадигма, напротив, сформулирована относительно недавно — она сосредоточена на нормативном содержании концепции признания и в настоящее время разрабатывается такими философами, как А. Хоннес и Ч. Тейлор [30].

Выступая на XXII Всемирном конгрессе «Право и справедливость в глобальном обществе» с докладом на тему «Изменение структуры справедливости в глобализирующемся мире», Н. Фрейзер обратила внимание на то, что глобализация изменяет сам способ обсуждения справедливости. При традиционной кейнсианско-вестфальской системе, которая рассматривала сферой применения справедливости лишь государство в его границах, а субъектом — соответствующих граждан, все явления, связанные с международной деятельностью, оставались как бы вне действия справедливости. Обсуждение справедливости включало лишь два аспекта: требования экономического перераспределения и культурного признания. Однако не рассматривался вопрос о процедуре отнесения тех или иных элементов общества к субъектам справедливости, о том, кто именно имеет на это право, а соответственно может определять условия распределения и признания. Развивая свою концепцию парадигмы справедливости «перераспределение-признание», Н. Фрейзер приходит к выводу, что теория справедливости, адекватная для решения проблем в условиях глобализирующегося общества, должна включать наряду с экономическим измерением перераспределения и культурным измерением признания политическое измерение представительства. Это означает парадигмальный сдвиг в осмыслении справедливости, ставящий на место кейнсианско-вестфальской социальной справедливости пост-вестфальскую демократическую справедливость [12].

Развитие философской мысли оказало самое непосредственное влияние на формирование дистрибутивной парадигмы международного антидискриминационного права. В условиях глобализации его задачи и значение стремительно возрастают. Эгалитаристы утверждают, что антидискриминационное право является обязательным компонентом справедливого распределения благ и бремени социального сотрудничества. Проблемы, стоящие перед антидискриминационным правом в вопросах минимизации дистрибутивного неравенства, чрезвычайно сложны. Хотя категории «равенство» и «дискриминация» занимают доминирующее место в международном праве прав человека, в международно-правовых источниках отсутствует их единое согласованное определение [25]. Признавая неизбежность и даже, в определенных случаях, справедливость

неравенства в распределении материальных благ, необходимо решить центральную задачу — определить, какие именно неравенства или различия допустимы.

Международное антидискриминационное право базируется на эгалитарной модели дистрибутивной справедливости, в основе которой лежит признание основополагающего равенства как фундаментального этического и правового принципа. В преамбуле, п. 3 ст. 1 и ст. 55 Устава Организации Объединенных Наций, пункте 1 статьи 2 Всеобщей декларации прав человека содержится запрет дискриминации в отношении пользования экономическими и социальными правами. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, международные договоры, касающиеся расовой дискриминации, дискриминации в отношении женщин и беженцев, апатридов, детей, трудящихся-мигрантов и членов их семей, инвалидов, и многие другие источники международного антидискриминационного права содержат положения об обеспечении экономического равенства.

Важнейшую роль в системе договорных источников международного антидискриминационного права играет Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Как подчеркивает М. Крейвен, Пакт создавался как «один из столпов в международной системе защиты прав человека, которую разрабатывала Организация Объединенных Наций после 1945 года. Таким образом, он стоит вровень с Международным пактом о гражданских и политических правах и со Всеобщей декларацией прав человека, которые вместе составляют Международный билль о правах [10, с. 103, 107]. По мнению Крейвена, Пакт не предусматривает абсолютного уравнивания результата, то есть равного распределения материальных благ среди всех членов общества. Однако в нем признается необходимость процесса уравнивания, в рамках которого происходит перераспределение социальных ресурсов в целях реализации основных прав каждого члена общества на основе идеи равенства возможностей [37, para. 42].

Недискриминация является прямой и всеобъемлющей обязанностью, содержащейся в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Пункт 2 ст. 2 обязывает каждое государство-участник «гарантировать, что права, провозглашенные в Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» [36].

В Замечании общего порядка № 20 «Недискриминация экономических, социальных и культурных прав» (2009) Комитет подчеркнул, что неспособность добросовестно выполнять закрепленное в п. 2 ст. 2 обязательство гарантировать, что права, провозглашенные в Пакте, будут осуществляться без дискриминации, представляет собой нарушение (*violation*). Закрепленные в Пакте права могут быть нарушены в резуль-

тате непосредственных действий или бездействия государств-участников, в том числе их институтами или учреждениями на национальном и местном уровнях. Государствам-участникам также следует обеспечить, чтобы они воздерживались от дискриминационных видов практики в сфере международного сотрудничества и оказания помощи и предпринимали шаги для обеспечения того, чтобы аналогичным образом поступали все находящиеся под их юрисдикцией субъекты. Согласно разъяснениям Комитета, дискриминация означает любое различие (*distinction*), исключение (*exclusion*), ограничение (*restriction*) или предпочтение (*preference*) или иное дифференцированное обращение (*other differential treatment*), которое прямо или косвенно осуществляется на запрещенных основаниях для дискриминации и целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления, наравне с другими, прав, закрепленных в Пакте (*has the intention or effect of nullifying or impairing the recognition, enjoyment or exercise, on an equal footing, of Covenant rights*): дискриминация также предполагает подстрекательство к дискриминации и преследованиям (*incitement to discriminate and harassment*) [27, paras. 7, 9, 14].

Дистрибутивная парадигма международного антидискриминационного права не предусматривает полного равенства распределения и не исключает дифференциации. Описывая допустимые рамки дифференцированного обращения, Комитет разъяснил: «Дифференцированное обращение на запрещенных основаниях будет считаться дискриминационным, если обоснование дифференциации не является разумным и объективным. Это будет предполагать оценку того, являются ли цель и результаты мер и бездействия законными, совместимыми с характером закрепленных в Пакте прав и осуществляются ли они исключительно с целью поощрения общего благосостояния в демократическом обществе. Кроме того, должны проследиваться четкие и обоснованные отношения соразмерности между преследуемой целью и принимаемыми мерами или бездействием и их последствиями. Неспособность покончить с дифференцированным обращением на основе недостаточности имеющихся ресурсов не является объективным и разумным оправданием, если не предпринимаются все усилия для использования всех имеющихся у государства-участника ресурсов в попытке заняться проблемой дискриминации и ликвидировать дискриминацию в первоочередном порядке» [27, para. 13].

Важнейшим антидискриминационным механизмом, направленным на достижение дистрибутивной справедливости, международное антидискриминационное право признает так называемые «специальные меры» (*special measures*) или позитивные действия (*affirmative actions*). Для ликвидации дискриминации по существу (*substantive discrimination*) государства-участники могут быть обязаны — а в некоторых случаях обязаны — принять специальные меры с целью смягчения или устранения условий, содействующих сохранению дискриминации. Такие меры

являются законными в той степени, в какой они представляют собой разумные, объективные и соразмерные средства устранения фактической дискриминации.

«Специальные меры» в контексте международного антидискриминационного права были впервые упомянуты правительством Индии в период разработки Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Индия предложила включить в текст ст. 2 разъяснительный пункт, который бы гласил следующее: «Специальные меры в интересах тех или иных отсталых в социальной области и в области образования слоев общества не будут истолковываться как проведение различий по смыслу данной статьи» [37, para. 40].

В окончательном докладе «Концепция и практика позитивных действий», представленном в 2002 году Комиссии по правам человека, Специальный докладчик М. Боссайт подчеркивает: «Очевидным является то, что главной целью позитивных действий является создание более эгалитарного общества... Двумя идеалами равенства, которые имеют непосредственное отношение к позитивным действиям, являются понятия равенства возможностей и равенства результатов. Выбор одного из идеалов будет также определять то, какая из программ позитивных действий является желательной или предпочтительной, а также какую концепцию социальной справедливости общество собирается осуществлять. Равенство возможностей соответствует мнению о том, что цель антидискриминационного законодательства заключается в обеспечении уменьшения масштабов дискриминации посредством изъятия /исключения из процесса принятия решений незаконных соображений, основанных на признаке расы, пола или этнического происхождения, которые имеют вредные последствия для отдельных лиц. В данном случае речь не идет о результате, за исключением его использования в качестве показателя несовершенного процесса. Подобный подход также является индивидуалистическим, поскольку его центральным элементом является обеспечение справедливости для индивидуума. Оно основано на либеральной концепции общества, отражающей понятие уважения эффективности, достоинств и достижений. Равенство возможностей способствует свободе выбора и свободной конкуренции между индивидуумами». Отметив, что эта концепция не имеет общепринятой правовой формулировки, М. Боссайт предложил ее следующее рабочее определение: «Позитивные действия — это последовательный комплекс мер временного характера, предназначенных конкретно для исправления положения членов целевой группы в одном или нескольких аспектах их социальной жизни, с тем чтобы обеспечить эффективное равенство.... Позитивные действия всегда направлены на определенную целевую группу, в состав которой входят отдельные лица, обладающие общими чертами, которые определяют их членство в данной группе, и считающие, что они находятся в неблагоприятном положении» [37, paras. 6, 8].

В 1992 году Д. Тюрк, Специальный докладчик Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (ныне — Подкомиссия по поощрению и защите прав человека), разработал некоторые основные принципы, которыми надлежит руководствоваться в подходе к проблематике экономических, социальных и культурных прав. В них, в частности, говорится: «Хотя некоторые обязательства государств могут различаться, все права человека должны применяться на основе равного доступа и равных возможностей, как фактически, так и юридически, для всех лиц [19, с. 11].

Формулировка «на основе равного доступа и равных возможностей», на наш взгляд, адекватно отражает суть дистрибутивной парадигмы современного международного антидискриминационного права. Дистрибутивная дискриминация состоит, прежде всего, в невыполнении государством «минимальных основных обязательств» по обеспечению базового уровня осуществления экономических, социальных и культурных прав по дискриминационным основаниям (или повлекшим дискриминационные результаты). В своем Замечании общего порядка № 3 «Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 Пакта)» Комитет по экономическим, социальным и культурным правам утверждает, что на каждом государстве-участнике лежит минимальное основное обязательство обеспечить осуществление каждого из прав, хотя бы на минимальном уровне. Так, например, государство-участник, в котором какая-либо значительная группа лиц лишена основных продуктов питания, элементарной первичной медицинской помощи, элементарного крова и жилья или самых элементарных форм образования, не выполняет *prima facie* своих обязательств в соответствии с Пактом. Если бы Пакт рассматривался как документ, не создающий такого минимального основного обязательства, то он во многом утратил бы свой смысл [28, пара. 10].

Пункт 1 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах возлагает на каждое государство-участник обязательство принять необходимые меры «в максимальных пределах имеющихся ресурсов». Хотя в ст. 2 отсутствует упоминание о справедливости, Лимбургские принципы осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах в своем толковании выражения «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» разъясняют, что при определении того, принимаются ли надлежащие меры для осуществления прав, признанных в Пакте, следует уделять внимание справедливому и эффективному использованию и доступности имеющихся ресурсов. Государства-участники обязаны, независимо от уровня экономического развития, обеспечить всем людям уважение минимума жизненно необходимых прав. При использовании имеющихся ресурсов следует уделять должный приоритет осуществлению признанных в Пакте прав с учетом необходимости обеспечить каждому удовлетворение жизненных потребностей, а также предоставление основных услуг.

Выражение «имеющиеся ресурсы» относится как к ресурсам самого государства, так и к ресурсам, предоставляемым международным сообществом посредством международного сотрудничества и помощи [21, п. 25–28].

Неравенство и дискриминация затрагивают различные аспекты жизнедеятельности человека. Так, резолюцией 64/292 от 28 июля 2010 года Генеральная Ассамблея провозгласила право на безопасную и чистую питьевую воду и санитарию как право человека, имеющее существенное значение для полноценной жизни и полного осуществления всех прав человека, подтвердив, что оно неразрывно связано с правом на жизнь и человеческое достоинство. Совет по правам человека в резолюции 15/9 «Права человека и доступ к безопасной питьевой воде и санитарным услугам» от 30 сентября 2010 года выразил глубокую обеспокоенность тем, что около 884 млн человек не имеют доступа к улучшенным источникам водоснабжения и что более 2,6 млрд человек не имеют доступа к базовым санитарным услугам, вследствие чего ежегодно умирают около 1,5 млн детей в возрасте до пяти лет по причине заболеваний, связанных с состоянием воды и санитарии. Совет признал, что особое внимание должно быть уделено лицам, относящимся к уязвимым и маргинальным группам, в том числе посредством уважения принципов недискриминации [18].

Статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах признает право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни, а также «основное право каждого человека на свободу от голода. Экономическое неравенство, выражающееся в лишении обездоленных групп населения доступа к жизненно важным материальным благам, по-существу, нарушает не только «право на достойную жизнь», но и на основополагающее «право на жизнь» как неотъемлемое право каждого человека.

В этой связи уместно напомнить о предложенной и убедительно обоснованной академиком П. М. Рабиновичем классификации основополагающих прав, критерием которой послужили разные виды (группы, комплексы) индивидуальных потребностей, которые удовлетворяются посредством осуществления определенных прав. Первое место в этой классификации занимают физические права (или, по другой терминологии, жизненные, витальные или соматические), осуществление которых удовлетворяет важнейшие, базовые, потребности человека в обеспечении его биологического существования, выживания, безопасного психофизического развития. В случае нарушения, ликвидации прав этой группы теряют смысл, сводятся на нет любые права человека, которые принадлежат к другим группам [23].

Две группы благ (возможностей), по отношению к которым дистрибутивные принципы применяются с учетом их значимости, выделяют Э. Гутман и Д. Томпсон. Исходя из эгалитарных принципов, они призна-

ют, что некоторый социальный минимум, отражающий уровень распределения «основных возможностей», должен быть равным для всех граждан. Соответственно, распределение благ одной группы («основных возможностей» — «basic opportunities») исходит из идеи, что правительство должно «обеспечить доступ всех лиц к ресурсам, необходимым им для поддержания достойного уровня жизни» (включая медицинское обслуживание, базовое образование, основной доход и безопасность человека), в то время как распределение другой группы («non-basic opportunities» — благ, на которые граждане не всегда имеют право) зависит от того, что Гутман и Томпсон называют принципом «равных возможностей» [31, p. 217].

В Замечании общего порядка «Право на достаточное питание (ст. 11)» Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подчеркнул, что право на достаточное питание неразрывно связано с достоинством, присущим человеческой личности, и является насущно необходимым для осуществления других прав человека, закрепленных в Международном билле о правах человека. Оно также неотделимо от социальной справедливости, требующей принятия как на национальном, так и на международном уровнях надлежащих мер экономической, экологической и социальной политики, нацеленных на искоренение нищеты и осуществление всех прав человека для всех людей. По сути дела, проблема голода и недоедания коренится не в отсутствии продовольствия, а в отсутствии доступа широких слоев населения мира к имеющемуся продовольствию, что обусловлено, в частности, нищетой. Право на достаточное питание реализуется в том случае, когда каждый человек — мужчина, женщина и ребенок — отдельно или совместно с другими в любое время имеет физические и экономические возможности для доступа к достаточному питанию или располагает средствами его получения [35, paras. 4–6].

Таким образом, обязательство обеспечения доступа к минимальному основному уровню жизненно важных материальных благ является одним из компонентов дистрибутивной парадигмы международного антидискриминационного права, существенно дополняя концепцию равенства возможностей. Дискриминация по отношению к витальным правам представляет собой дистрибутивную дискриминацию как крайнюю форму социального и экономического неравенства. В подтверждение этого тезиса приведем цитату из доклада Генерального секретаря ООН «Искоренение нищеты»: «Для того чтобы разорвать межпоколенческий круг нищеты, сохранить социальную сплоченность общества и укрепить общественный договор, необходим всеобщий доступ к базовым системам социальной защиты и основным услугам, особенно к здравоохранению и образованию. Однако эти факторы не будут иметь должного воздействия на нищету и уязвимость, если они не дополняются более широкими мерами по решению проблемы доступа к ресурсам и их перераспределения» [20].

Л и т е р а т у р а

1. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / *Аристотель* ; общ. ред. А. И. Доватура. — М., 1983. — Т. 4.
2. Боднар С. Б. Поняття рівності у філософії права / *С. Б. Боднар* // Проблеми філософії права. — 2005. — Т. III, № 1–2. — С. 311–312.
3. Васильчук В. О. Зміст і значення категорії справедливості у міжнародному праві / *В. О. Васильчук* // Проблеми філософії права. — 2005. — Т. III, № 1–2. — С. 293–297.
4. Доклад о развитии человека. 2010. 20-е, юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). — Изд-во «Весь Мир», 2010.
5. Игнаткин О. Концепция либерального равенства Рональда Дворкина / *О. Игнаткин* // Космополис. — 2005. — № 1(11).
6. Игнаткин О. Б. Проблема «равенства в свободе» и концепция «равенство ресурсов» / *О. Б. Игнаткин* // Философские науки. — 2006. — № 6. — С. 5–21; Игнаткин О. Б. Проблема «равенства в свободе» в политической философии Рональда Дворкина / *О. Б. Игнаткин* // Философские науки. — № 5. — 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.academyrh.info/html/ref/20050502.htm>.
7. Кашников Б. Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции / *Б. Н. Кашников* // Этическая мысль. — М.: ИФ РАН, 2001. — Вып. 2.
8. Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / *Б. Н. Кашников*. — Великий Новгород, 2004.
9. Козюбра М. Права людини і верховенство права / *М. Козюбра* // Право України. — 2010. — № 2. — С. 25–26.
10. Крейвен М. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах / *М. Крейвен* // Введение в вопросы международной защиты прав человека : учеб. пособие / под ред. Р. Хански, М. Суксн ; Ин-т прав человека Ун-та «Або Академи» Турку/Або. — 1997.
11. Ленски Г. Проблема: кто что получает и почему? / *Г. Ленски* // Социология : хрестоматия для высшей школы / А. И. Кравченко. — М.: Акад. проект : Фонд 'Мир', 2004. — С. 405–415.
12. Максимов С. І. XXII Всесвітній конгрес із філософії права і соціальної філософії «Право і справедливість у глобальному суспільстві» (огляд) / *С. І. Максимов* // Проблеми філософії права. — 2006–2007. — Т. IV–V. — С. 52–53.
13. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / *П. И. Новгородцев* ; Санкт-Петерб. ун-т МВД России. — СПб : Лань, 2000. — (Сер. «Мир культуры, истории и философии»).
14. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое уществование / *П. И. Новгородцев* // Социально-философские этюды / П. И. Новгородцев, И. А. Покровский. — СПб. ; М., 1911.
15. Новикова Л. И. Три модели развития России / *Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская* ; РАН, Ин-т философии. — М., 2000.
16. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Резолюция «Укрепление международного сотрудничества в области прав человека». — Doc. UN. A/RES/64/171.
17. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Эффективное содействие осуществлению Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Доклад независимого эксперта Организации Объединенных Наций по вопросам меньшинств. 12 августа 2010. — Doc. UN. A/65/287.
18. Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. Пятнадцатая сессия. Резолюция, принятая Советом по правам человека 15/9. Права человека и доступ к безопасной питьевой воде и санитарным услугам. 30 сентября 2010 года. — Doc. UN. A/HRC/RES/15/9.

19. Организация Объединенных Наций. Управление Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Экономические, социальные и культурные права. Руководство для национальных правозащитных учреждений. — Нью-Йорк ; Женева : Изд. ООН, 2005.
20. Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Комиссия социального развития. 9–18 февраля 2011 года. Искоренение нищеты. Доклад Генерального секретаря. — Doc. UN. E/CN.5/2011/3.
21. Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам Двадцать четвертая сессия. Женева, 13 ноября. 1 декабря 2000 года. Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Лимбургские принципы осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; Маастрихтские руководящие принципы, касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав. Справочный документ, представленный Международной комиссией юристов. — Doc. UN. E/C.12/2000/13.
22. Пласина О. И. Роль феномена справедливости в устойчивом развитии современного общества / О. И. Пласина // Грани. — 2009. — № 6.
23. Рабинович П. Основоположні права людини: соціально-антропна сутність, змістова класифікація / П. Рабинович // Право України. — 2010. — № 2. — С. 18–23.
24. Шевелев А. А. Элитарность и эгалитаризм в современном российском обществе: теоретико-методологические основы трактовки / А. А. Шевелев // Известия АГУ. — 2010. — № 2. — С. 195–199.
25. Bayefsky A. F. The principle of equality or non-discrimination in international law / A. F. Bayefsky // Human rights law journal. — Vol. 11, N 1–2.
26. Choudhry S., Distribution vs. Recognition: The Case of Anti-Discrimination Laws / S. Choudhry // George Mason Law Review. — 2000. — Vol. 9, N 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ssrn.com/abstract=1624085>.
27. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General comment N 20. Non-discrimination in economic, social and cultural rights (art. 2, para. 2, of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights). — Doc. UN. E/C.12/GC/20.
28. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General comment 3. The nature of States parties obligations (Art. 2, para. 1) of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights). — Doc. UN. E/1991/23.
29. Fraser N. From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in a «Post-Socialist» Age / N. Fraser // Theorizing multiculturalism : a guide to the current debate / ed. by C. Willet. — Malden, Wiley-Blackwell, 1998. — P. 19–49.
30. Fraser N. A Rejoinder to Iris Young / N. Fraser // Theorizing multiculturalism : a guide to the current debate / ed. by C. Willet. — Malden, Wiley-Blackwell, 1998. — P. 68–120.
31. Gutmann A. Democracy and disagreement / A. Gutmann, D. F. Thompson. — Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1996. — 428 p.
32. Keren-Paz T. Torts, egalitarianism and distributive justice / T. Keren-Paz. — Hampshire ; Burlington : Ashgate, 2007. — P. 9–10.
33. O'Neill J. Economy, Equality and Recognition / J. O'Neill // Culture and economy after the cultural turn / ed. by L. Ray, A. Sayer. — London : SAGE, 1999. — P. 79.
34. Rawls J. A theory of justice / J. Rawls. — Oxford : Oxford University Press, 1971.
35. Substantive issues arising in the implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural rights: General Comment 12 (twentieth session, 1999). — Doc. UN. E/C.12/1999/5. The right to adequate food (art. 11).
36. United Nations. Treaty Series. — Vol. 993. — P. 35–43.
37. United Nations. Economic and Social Council. Commission on Human Rights. Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights. Fifty-third session. Prevention of discrimination. The concept and practice of affirmative action. Final

- report submitted by Mr. Marc Bossuyt, Special Rapporteur, in accordance with Sub-Commission resolution 1998/5. — Doc. UN. E/CN.4/Sub.2/2002/21.17 June 2002.
38. United Nations. General Assembly. World Conference against racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. Preparatory Committee. First session. Geneva, 15 May 2000. Racial discrimination and religious discrimination: identification and measures. Study prepared by Mr. Abdelfattah Amor, Special Rapporteur on religious intolerance. — Doc. UN. A/CONF.189/PC.1/7.
39. World Development Report. — Oxford University Press Washington. D.C., 2000/2001.

А н н о т а ц и я

Дрёмина-Волок Н. В. Экономическое неравенство и дистрибутивная парадигма международного антидискриминационного права. — Статья.

В статье рассматриваются доктринальные основания и содержание дистрибутивной парадигмы международного антидискриминационного права, анализируются концепции равенства возможностей и равенства результатов и их воплощение в международном антидискриминационном праве, формулируется понятие дистрибутивной дискриминации.

Ключевые слова: дистрибутивная справедливость, международное антидискриминационное право, равенство возможностей, равенство результатов, дистрибутивная дискриминация.

А н о т а ц і я

Дрьоміна-Волок Н. В. Економічна нерівність та дистрибутивна парадигма міжнародного антидискримінаційного права. — Стаття.

У статті розглядаються доктринальні підстави та зміст дистрибутивної парадигми міжнародного антидискримінаційного права, аналізуються концепції рівності можливостей і рівності результатів і їх втілення в міжнародному антидискримінаційному праві, формулюється поняття дистрибутивної дискримінації.

Ключові слова: дистрибутивна справедливість, міжнародне антидискримінаційне право, рівність можливостей, рівність результатів, дистрибутивна дискримінація.

S u m m a r y

Dryomina-Voloc N. V. Economic inequality and distributive paradigm of the international anti-discrimination law. — Article.

The doctrinal foundation and maintenance of the distributive paradigm within the international anti-discrimination law are approached in the article. The concepts of equality of opportunity and equality of results and their implementation in the international anti-discrimination law are examined, and the notion of distributive discrimination is formulated.

Keywords: Distributive equity, international anti-discrimination law, equality of opportunity, equality of results, distributive discrimination.